

ОСЕННИЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ

I

В. Г. Короленко

Послѣ пышнаго расцвѣта русской литературы въ сороковыхъ — шестидесятыхъ годахъ наступилъ періодъ ея доцвѣтанія. Немногіе старые писатели, оставшіеся въ живыхъ послѣ этой блестящей поры, стоятъ одиноко, какъ случайно уцѣлѣвшія деревья въ вырубленномъ лѣсу. Они даютъ время отъ времени, съ каждымъ годомъ все рѣже и меньше, произведенія, отмѣченныя ихъ талантомъ, но все же уже не столь интересныя для современнаго общества, какъ были интересны ихъ первыя произведенія въ свое время. На смѣну отцвѣтшимъ, умершимъ писателямъ явилось новое поколѣніе. Ему уже не улыбалось съ колыбели солнце общественнаго возрожденія Россіи, и поколѣніе выросло блѣдное, хилое, осеннее. Оно или ютится у подножія уцѣлѣлыхъ столбовъ прежнихъ литературныхъ великановъ, рабски копируя и подражая ихъ пріемамъ, или прислушивается къ иноземнымъ вѣяніямъ и является жалкимъ подражаніемъ западнымъ образцамъ. Немногіе оригинальные, самобытные цвѣтки, расцвѣтающіе въ эту глухую литературную осень, хотя и обладаютъ изрѣдка чуднымъ ароматомъ, тонкостью красокъ, но далеко уже не достигаютъ размѣровъ, какими отличались представители лѣтней поры. И если эти немногіе запоздалые осенніе цвѣтки привлекаютъ къ себѣ вниманіе общества, то главнымъ образомъ потому, что общество само стало такимъ же осеннимъ и блѣднымъ и ищетъ хотя бы блѣднаго отраженія современныхъ ему мыслей у современныхъ писателей, такъ какъ старые говорятъ не совсѣмъ о томъ, о чемъ интересно знать читателю нашихъ дней.

Изъ числа этихъ немногихъ самобытныхъ осеннихъ талантовъ болѣе всего выдѣляются гг. Чеховъ и Короленко. У этихъ писателей столько общихъ вышнихъ чертъ, что ихъ почти

всегда называютъ вмѣстѣ. Оба писали преимущественно въ восьмидесятыхъ годахъ и, стало быть, принадлежать къ тому осеннему поколѣнію писателей, о которомъ мы только что говорили. Оба пишутъ небольшіе рассказы, избѣгая давать крупныя произведенія. Наконецъ и г. Короленко, и г. Чеховъ давно уже выдѣлены читающею публикою изъ общей массы пишущей братіи и считаются любимыми писателями. При ближайшемъ разсмотрѣніи сочиненій обоихъ авторовъ можно бы найти и еще общія черты. Такъ, оба любятъ природу, оба посвятили по нѣсколько очерковъ сибирской и въ частности сахалинской жизни и быту ссыльныхъ... Но все это черты внѣшнія. Въ сущности гг. Короленко и Чеховъ представляютъ скорѣе контрастъ, нежели сходство. Г. Чеховъ гораздо объективнѣе г. Короленко и гораздо болѣе художникъ. Г. Чеховъ болѣе наблюдаетъ, болѣе точно списываетъ дѣйствительную жизнь, стараясь—за исключеніемъ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ рассказовъ—заставить ее говорить саму за себя. Напротивъ, г. Короленко всегда имѣетъ какую-нибудь руководящую идею, которая проходитъ черезъ весь рассказъ, а описанныя въ немъ событія только группируются вокругъ этой общей идеи, поясняютъ ее. Г. Чеховъ—реалистъ; г. Короленко—идеалистъ. Г. Чеховъ старается охарактеризовать нравственный міръ человѣка, говоря лишь о его тѣлесной оболочкѣ, какъ будто ею и ограничивается человѣчество; г. Короленко старается показать, что всюду, гдѣ есть тѣло, есть и духъ, и что его всюду можно обнаружить и показать. Г. Чеховъ не заботится о выборѣ сюжета—для него хорошъ всякій, лишь бы обработать его какъ слѣдуетъ. Г. Короленко старается рассказывать только о вещахъ, которыя сами по себѣ заслуживаютъ интереса. Г. Чеховъ изображаетъ будни, сѣрую жизнь; г. Короленко любитъ яркое, живописное, исключительное; г. Чеховъ любитъ игру полутоновъ, разсматриваніе подробностей въ обычной жизни; г. Короленко, въ поискахъ яркихъ красокъ, бросаетъ городъ и окружающее общество и уходитъ къ бродягамъ, или на лоно природы. Наконецъ, почитатели г. Чехова и г. Короленко различны. Г. Чехова предпочитаютъ тѣ, кто цѣнитъ прежде всего искусство и видитъ въ писателѣ только художника; г. Короленко любятъ тѣ, кто ищетъ въ литературныхъ произведеніяхъ идейности, кто требуетъ отъ писателя, чтобы его произведенія не только изображали жизнь, но и трогали читателя, будили въ немъ хорошія мысли и добрыя чувства...

Когда въ печати появились первыя произведенія г. Короленко, на нихъ обратили большое вниманіе и публика, и рецензенты. Въ немъ видѣли новый крупный талантъ, восходящую

звѣзду, готовую, если не затмить, то сравняться съ писателями предшествовавшаго поколѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, въ первыхъ же своихъ произведеніяхъ г. Короленко обнаружилъ тонкую наблюдательность, только кругъ его наблюденій былъ не обширенъ, такъ что, если можно такъ выразиться, г. Короленко выказалъ наблюдательность, но не далъ наблюденій. Въ первыхъ произведеніяхъ своихъ онъ выказалъ чуткое пониманіе человѣческой души, но не далъ полного изображенія этой души. Въ г. Короленко сказывалась поэтическая натура, но въ разбираемыхъ имъ сюжетахъ не было еще ничего крупнаго, достойнаго эпопеи. Г. Короленко обнаружилъ недюжинную фантазію, но не далъ ни одного крупнаго произведенія, въ которомъ ей былъ бы просторъ. Наконецъ, съ первыхъ же страницъ г. Короленко можно было замѣтить его теплоту, его пламенное чувство. Общество ждало, что въ слѣдующихъ произведеніяхъ г. Короленко не ограничится отрывочными очерками, броситъ исключительные сюжеты, возьмется за что-нибудь крупное, имѣющее общее значеніе и интересъ, и создастъ произведеніе, которое по своему значенію въ литературѣ и жизни займетъ мѣсто, равное такимъ романамъ какъ „Кто виноватъ?“, „Рудинъ“, „Обломовъ“, „Отцы и дѣти“, быть можетъ даже „Война и миръ“, но каждое слѣдующее произведеніе г. Короленко еще разъ подтверждало его несомнѣнную талантливость и не давало ничего новаго, ничего крупнаго. Мало того, талантъ его какъ будто сталъ слабѣть; г. Короленко пошелъ отчасти по стопамъ одного изъ видныхъ нашихъ беллетристовъ Гл. И. Успенскаго, который сдѣлалъ попытку слить публицистику съ беллетристикой, или сталъ писать чисто этнографическіе очерки и если возвращался къ формѣ чистаго разсказа, то въ значительной степени только повторялъ себя, вдаваясь теперь въ длинноты, которыхъ раньше не было, и въ сухія поученія, которыхъ раньше онъ умѣлъ избѣгать. Такимъ образомъ г. Короленко какъ бы не оправдалъ тѣхъ ожиданій, какія на него возлагались. Таково общее впечатлѣніе, производимое его дѣятельностью.

Въ сущности, впрочемъ, нельзя сказать, чтобы г. Короленко не далъ всего того, что могъ дать. Если внимательно всмотрѣться въ его талантъ, то можно замѣтить, что тотъ ростъ его, который казался свойственнымъ юности, былъ въ дѣйствительности ростомъ взрослаго организма. Г. Короленко представляетъ собою нѣкоторое подобіе волярнымъ деревьямъ, производящимъ впечатлѣніе еще молодой поросли, тогда какъ это уже вполне развитыя, даже старыя, растенія. И сокрушаются о томъ, что онъ не далъ того, что, казалось, могъ бы дать, рѣшительно нечего. И то, что г. Короленко далъ намъ, доста-

точно хорошо и имѣетъ нѣкоторое, хотя и скромное, значеніе въ литературѣ. Будемъ довольствоваться тѣмъ, что есть, и не будемъ ждать, что смородинный кустъ принесетъ виноградные гроздья. Порой хорошо полакомиться и смородиной.

Съ первыхъ же произведеній г. Короленко можно было догадаться, что въ немъ есть нѣчто, ограничивающее его собственное развитіе. По самому роду своего таланта онъ натура незаконченная, натура, которой чего-то не достаетъ. Въ самомъ дѣлѣ самые герои его рассказовъ всегда или недоразвиты, или имѣютъ какое либо несовершенство, мѣшающее имъ быть вполне нормальными, здоровыми людьми. Г. Короленко даетъ тонкіе очерки дѣтской психологіи. Психологія эта достаточно разработана имъ и достаточно глубока, но ребенокъ все-таки не совсѣмъ человѣкъ — ему не знакомы еще многія чувства, многія мысли, которыя дѣлаютъ взрослого человѣка законченнымъ твореніемъ. Между тѣмъ, г. Короленко нисколько не чувствуетъ себя стѣсненнымъ въ рамкахъ этой дѣтской психологіи и выдерживаетъ до конца вѣрный тонъ. Затѣмъ излюбленными героями г. Короленко являются сибирскіе дикари, сахалинскіе и даже просто южнорусскіе бродяги. Это — тоже своего рода дѣти, несовершенные люди. Имъ тоже не достаетъ цѣлой области идей и чувствъ, присущихъ вполне развитому человѣку, и однако г. Короленко и тутъ до конца выдерживаетъ психологію и анализъ и умѣетъ разсуждать и чувствовать, какъ дикарь или бродяга. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сочиненіяхъ г. Короленко выводится на сцену взрослый интеллигентный человѣкъ, онъ оказывается безногимъ („Парадоксъ“) или слѣпымъ („Слѣпой музыкантъ“) и стало быть опять-таки человѣкомъ несовершеннымъ. Именно трудность исключительной психологіи слѣпороджденного и привлекла къ себѣ г. Короленко, и онъ успѣшно выполнилъ свою задачу.

Другое свойство манеры г. Короленко — его отрывочность. Его рассказы никогда не представляютъ сокращеннаго романа, каковы, напримѣръ, многіе рассказы Мопассана; съ другой стороны это и не короткіе анекдоты, весь смыслъ которыхъ въ событіи и въ вытекающемъ изъ него нравоученіи (таковы многіе рассказы г. Чехова). Рассказы г. Короленко просто этюды изъ жизни, изъ путешествія. Они могутъ кончиться тутъ же и навсегда, какъ это и бываетъ у г. Короленко, а могли бы также служить отдѣльными главами въ большомъ романѣ, имѣть продолженіе. Но уже по тому какъ старается г. Короленко оправить эти эпизоды въ особыя рамки рассказа можно заключить, что онъ не считаетъ ихъ связанными съ другими эпизодами, да и читателю хочетъ показать, что его картина закончена и даже вставлена въ свою рамку. Воображеніе г. Ко-

роленко представляется состоящим как бы из отдѣльных, отграниченных другъ отъ друга, отрывочныхъ пятенъ, между которыми лежитъ темное пространство.

Несомнѣнными заслугами г. Короленко слѣдуетъ признать его умѣнье писать живо и интересно, литературно обрабатывать свои сюжеты и тонко понимать природу. Произведенія его отличаются рѣдкимъ вкусомъ. У него не бываетъ подробностей, вызывающихъ безглагольность, отвращеніе, а между тѣмъ онъ говоритъ порой объ очень неэстетичныхъ вещахъ. Но отношеніе автора къ нимъ такое чистое, что его нѣтъ возможности заподозрить въ охотѣ рыться въ физической и нравственной грязи, къ чему выказываютъ такую склонность многіе натуралисты. Разказы г. Короленко всегда можно читать вслухъ. Какъ уже сказано, по своему содержанію разказы эти отдѣльно выхваченные изъ жизни эпизоды, отдѣленные въ особыя, художественныя рамки. Любимый пріемъ г. Короленко состоитъ въ томъ, что основная картина состоитъ изъ трогательной исторіи; нерѣдко это исторія неудачной любви или полная драматизма жизнь преступника, или наивный дѣтскій жанръ. Рамка же сплетена изъ зеленыхъ шепчущихся вѣтвей шумящаго соснового лѣса („Лѣсъ шумитъ“) или изъ блестящей бѣлыми снѣжинками на прозрачныхъ нагроможденныхъ льдинахъ сибирской рѣки, надъ которой темнѣетъ небо, усыпанное яркими звѣздами („Атъ-Даванъ“), или шелестящихъ мокрыхъ листьевъ, нескромно заглядывающихъ въ дѣтскую спальню („Ночью“), или изъ миниатюрныхъ изображеній якутскихъ поселковъ и сибирской тайги („Сонъ Макара“, „Соколинъ“). И эта рамка отнюдь не составляетъ внѣшняго, случайнаго придатка къ разказу—напротивъ, она тѣсно съ нимъ связана и дополняетъ его. Она или поясняетъ мѣстными условіями происхожденіе основной черты героя, такъ, напримѣръ, описанія сибирской тайги въ „Соколинѣ“ объясняютъ, откуда является у бродяги его любовь къ свободѣ, почему ради сомнительнаго счастья скитальческой жизни онъ бѣжитъ въ пустыню и потомъ навсегда сохраняетъ вкусъ къ бродяжничеству, или, какъ въ описаніи ночи въ разказѣ „Ночью“, состоянія, переживаемыя природой, вліяютъ на впечатлительнаго ребенка, управляютъ ходомъ его мыслей и поступковъ, или наконецъ, какъ въ „Лѣсъ шумитъ“, эти описанія природы являются прелюдией, увертюрой къ тому, что будетъ разказано въ самой повѣсти.

Весьма замѣчательно также искусство г. Короленко, съ какимъ онъ умѣетъ вложить въ каждый изъ своихъ разказовъ теплую гуманную мысль и провести ее такъ незамѣтно, что она въ концѣ сама собой выплываетъ наружу какъ естествен-

ное слѣдствіе. Такимъ образомъ, рассказы г. Короленко ни въ какомъ отношеніи не напоминаютъ произведеній натуралистической школы, рисующей жизнь безъ всякаго пониманія ея внутренняго смысла, но, дѣйствуя на сердце читателя, рассказы нашего автора даютъ ключъ къ уразумѣнію жизни и побуждаютъ сердечнѣе относиться къ людямъ.

Изъ отдѣльныхъ рассказовъ г. Короленко обращаютъ на себя вниманіе прежде всего три рассказа о дѣтяхъ: „Въ дурномъ обществѣ“, „Ночью“ и „Парадоксъ“. Наиболее гуманнымъ изъ нихъ, по вложенной въ рассказъ идеѣ, является „Въ дурномъ обществѣ“. Компанія бродягъ, людей со смутнымъ представленіемъ о правѣ и законности, такъ хорошо повліяла своею сердечностью на заброшеннаго барича, что за нѣсколько недѣль пребыванія въ этомъ дурномъ обществѣ онъ развился сердцемъ, сталъ мужественъ, готовъ на самопожертвованіе и выигралъ въ благородствѣ весьма значительно. Зато „Ночью“ блещетъ чисто художественными достоинствами. Характеръ мальчика съ прозвищемъ „Голованъ“ чисто поэтическое созданіе. Психологія ночныхъ призраковъ ребенка, когда въ окружающей темнотѣ онъ видитъ страшнаго „зеленаго“ господина, а въ шелестѣ мокрой листвы ему слышится шуршаніе листовъ огромной книги, поразительно вѣрная. Картина полуодѣтыхъ дѣтей, собравшихся ночью посреди дѣтской у мѣднаго таза, въ которомъ горитъ сальная свѣча, такъ и пресится на полотно. Немного ослабляютъ впечатлѣніе нѣсколько скабрёзный тонъ рассказа — дѣти разсуждаютъ о томъ, какъ и почему у ихъ матери родится новая дѣвочка — и довольно ничтожныя разсужденія о матеріализмѣ и идеализмѣ между взрослыми въ концѣ рассказа.

Изъ рассказовъ изъ быта полудикихъ сибирскихъ обитателей особаго вниманія заслуживаетъ „Сонъ Макара“. Это, безспорно, лучший изъ рассказовъ г. Короленко. Понятія объякутившагося крестьянина о загробной жизни и страшномъ судѣ очерчены весьма правдоподобно. Не совсѣмъ выдержаннымъ въ этомъ стилѣ является споръ несчастнаго Макара съ Великимъ тойономъ (богомъ) относительно причинъ прегрѣшеній дикаря. Но зато въ этотъ споръ вложено столько гуманныхъ мыслей, столько снисходительнаго любовнаго отношенія къ жалкому дикарю, столько истиннаго пониманія христіанской любви къ бѣднику, несмотря на его порочность и невѣжество, что читатель кончаетъ рассказъ со слезами на глазахъ, и было бы крайне досадно, еслибъ г. Короленко не допустилъ этой психологической невыдержанности.

„Очерки сибирскаго туриста“ и „Атъ-Даванъ“ замѣчатель-

„Лѣсъ шумить“—поэтичная баллада въ прозѣ. Сюжетъ ея изъ стараго крѣпостного времени; но слѣды этого времени и герои разыгравшейся тогда драмы живы и до сихъ поръ и потому имѣютъ право на интересъ современнаго читателя, который вообще, по нашему мнѣнію, вовсе не обязанъ мучиться соверпаніемъ тѣхъ звѣрствъ, какіе творили его отцы и дѣды. Гдѣ-то появилось извѣстіе, что одинъ изъ нашихъ композиторовъ пишетъ оперу на тему „Лѣсъ шумить“. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ рассказъ г. Короленко, во всякомъ случаѣ, можетъ дать чудную тему для увертюры вродѣ вагнеровскаго *Waldweben*.

„Судный день“—сказка изъ малорусскихъ преданій—имѣетъ крупный недостатокъ: она сильно навѣяна Гоголемъ и гораздо болѣе поддѣлка подъ манеру великаго писателя, нежели результатъ самостоятельнаго вдохновенія. Кромѣ того, тенденція сказки—объясненіе и доказательство законности присугствія жидашинкаря въ малорусской деревнѣ—кажется притянутый за волосы.

Еще менѣе удачной поддѣлкой—подъ стиль философскихъ сочиненій Платона—слѣдуетъ признать фантазію „Тѣни“, въ которой умершій Сократъ разговариваетъ съ кожевникомъ Елиидіемъ гдѣ-то внѣ времени и пространства, шествуя въ абсолютномъ мракѣ куда-то „впередъ“. Внѣшняя манера діалоговъ Платона схвачена удачно, но духъ не ихъ; общая тенденція г. Короленко—показать законность скептицизма—темна, и рассказъ вообще производитъ странное впечатлѣніе.

„Старый звонарь“, умершій на колокольнѣ въ свѣтлый праздникъ,—очень милое стихотвореніе въ прозѣ.

Наконецъ „Слѣпой музыкантъ“—самое крупное по объему изъ произведеній г. Короленко,—представляетъ собою блестящій психологическій этюдъ. Нѣкоторыя сцены:—знакомство героя съ дѣвочкой, которая впоследствии станетъ его женой, рожденіе у него зрячаго ребенка и другія—полны такого глубокаго чувства и такъ трогательны, что ихъ нельзя читать безъ волненія. Но въ общемъ, „Слѣпой музыкантъ“ уже по самому исключительному содержанію—психологіи слѣпороденнаго—кажется нѣсколько искусственнымъ.

Общая идея рассказовъ г. Короленко чрезвычайно симпатична. Слѣдуя завѣтамъ старшихъ нашихъ писателей, онъ будитъ въ читателѣ уваженіе къ свободѣ и сочувствіе къ несчастнымъ и обездоленнымъ. Г. Короленко чуждъ идеализаціи послѣднихъ: онъ не видитъ въ нихъ равныхъ себѣ, какъ хотѣли видѣть нѣкоторые старые беллетристы. Но зато г. Короленко избѣжалъ и другой крайности, въ какую впадали Рѣшетниковъ, Слѣпцовъ и другіе русскіе натуралисты: онъ не

видитъ даже въ одичавшемъ мужикѣ звѣря, даже въ преступникѣ—особой зоологической породы. Въ каждомъ изъ нихъ онъ видитъ человѣка, но человѣка выродившагося, съ нравственными недостатками. Г. Короленко, обращаясь съ читателю, проситъ о сочувствіи къ этимъ пасынкамъ общества въ виду тѣхъ тяжелыхъ условій жизни, въ какихъ имъ приходится жить, въ виду тѣхъ лишеній, которыя они перенесли. Эти условія—достаточная искупительная жертва за дикость и неразвитость. Гуманная, свѣтлая идея сочиненій г. Короленко составляетъ его крупную заслугу. Какъ проповѣдникъ любви къ ближнему, онъ всегда будетъ въ ряду тѣхъ, кто ведетъ общество впередъ—къ развитію и совершенствованію.

Но главное достоинство произведеній г. Короленко все-таки состоитъ въ ихъ художественности,—фальшивыя, тенденціозныя ноты появляются у него очень рѣдко. Напротивъ, какъ рѣдкій талантъ, онъ владѣетъ умѣньемъ гармонически связать форму и содержаніе. И картины его очерковъ, хотя и печальныя, унылыя, иногда даже трагичныя, всегда красивы.

Отличительная черта произведеній г. Короленко—ихъ живописность: онъ никогда не описываетъ сѣрой, городской жизни. Его рассказы всегда увлекаютъ читателя на лоно природы, иногда даже черезчуръ дикой.

Его герои менѣе всего буржуазны, и если онъ любитъ описывать бродягъ, то едва-ли не оттого, что бродяги живописнѣе мирныхъ гражданъ.

Эта любовь къ красотѣ и даетъ основаніе надѣяться, что, какъ ни мало пишетъ г. Короленко, талантъ его не совсѣмъ заглохъ и что онъ еще дастъ нѣсколько произведеній; они, быть можетъ, не прибавятъ ничего новаго къ общей характеристикѣ этого писателя, но дадутъ хотя бы въ томъ же родѣ еще нѣсколько страницъ, проникнутыхъ тою красою и гуманностью, которыя такъ нравятся въ рассказахъ г. Короленко его почитателямъ.

Пл. Красновъ

